

В.В. Старостенко
г. Могилев, Беларусь

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ XVII в.

Развитие отечественной общественно-философской мысли XVII в. в значительной мере определялось новациями социальной жизни, вызванными введением Брестской церковной унии (1596) и унизацией общества. В этих условиях в белорусско-украинском православии формируются различные общественно-политические и национально-религиозные ориентации. В 20-40-х гг. XVII в. в нем наметились две основные тенденции – компромисса и конфронтации – по отношению к унии и государству Речи Посполитой, что было связано со спецификой видения наличного статуса церкви, ее взаимоотношений с Западом и московским православием.

Выразителями тенденции компромисса являлись Фома Иевлевич, Сильвестр Косов, Петр Могила и другие представители православной интеллектуальной элиты, считавшие необходимым добиваться восстановления прав православия мирным, правовым путем, ведя диалог с политическими и религиозными оппонентами. Они исповедовали идею относительно независимой православной церкви и культурно-национально-религиозной автономии белорусского и украинского этноса в пределах Речи Посполитой на основе лояльности. Политическая лояльность должна была обеспечить, по их мнению, восстановление гражданского согласия. “Над едность и згоду, – писал П. Могила, – нечего немаш пожитечнешого и вдячнешого” [6, с. 197]. Результатом реализации этого курса стали разработка и принятие в 1632–1635 гг., несмотря на противодействие католической и униатской партий, так называемых “статей успокоения религии греческой”. Их значимость состоит в легализации деятельности православной церкви Речи Посполитой, возвращении ей статуса субъекта правоотношений. “Статьи...” предусматривали воссоздание православной Киевской митрополии и четырех епископий, в том числе белорусской (могилевской) епархии, возврат части церковной собственности, предоставление православным права организовывать школы и типографии, возводить храмы, занимать должности в городском самоуправлении и др. В грамоте 1633 г. Петр Могила подчеркивал, что это стало возможным благодаря политике лояльности по отношению к государству, готовности идти на компромисс [1, прил., с. 21]. Сильвестр Косов, посвящая “Патерик Печерский” Адаму Киселю, восхваляет этого православного вельможу за то, что помог добиться “удовлетворения русского народа без затруднения для Речи Посполитой” [9, с. 216].

Объединившееся вокруг киевского митрополита духовенство пыталось строить отношения с униатской и католической церквями на основе толерантности. Вместе с тем оно последовательно отстаивало собственные церковные интересы, национально-религиозную свободу белорусского

и украинского народов. По мнению В.М. Ничик, православная элита, стремясь к освоению западной культуры, отвергла подчинение Риму, не принимала унию в редакции Брестского церковного собора, стремилась к установлению церковной автокефалии [6, с. 157].

Наряду с тенденцией компромисса в белорусско-украинском православии присутствует противоположная тенденция – решительного осуждения унии и политического режима Речи Посполитой, интеграции с московским самодержавием и православием (Иов Борецкий, Исайя Копинский, Афанасий Филиппович и другие) [2, с. 73; 4, с. 37; 6, с. 127; 7, с. 77-78; 9, с. 204-216]. Наиболее ярким выразителем этой тенденции во второй четверти XVII в. являлся Афанасий Филиппович. Его деятельность целиком была направлена на защиту православной церкви. “Унея проклятая” должна быть, по убеждению автора, “згублена на веки”, так как вызвала “розделе Руси”, спровоцировала “непотребные колотни”, разрушила не только церковное единство, но и гражданский мир. Считая упразднение унии задачей первостепенной государственной важности, Филиппович связывал с ней предотвращение междоусобной войны, распада и гибели Речи Посполитой [8, с. 74, 88, 89, 104, 117].

Филиппович не был сторонником религиозной терпимости, отстаивал идею единой “истинной веры”, православия. Он непримиримо относился к “геретикам” – протестантам, однако признавал права римо-католиков, за исключением “барзо мудрых” иезуитов, рассматривая их главными вдохновителями “проклятой унеи” и преследованиями православных христиан. Материалы его “Диариуша” свидетельствуют о позитивном отношении к правовому регулированию отечественной конфессиональной жизни. В отличие от униатов и католиков Филиппович признавал акт Варшавской конфедерации 1573 г. [8, с. 85-134]. В целом воззрения мыслителя необходимо рассматривать в контексте социально-политической и религиозной действительности на белорусских и украинских землях конца XVI – первой половины XVII в., которая характеризовалась беспрецедентным подавлением религиозной свободы, преследованиями православного населения за вероисповедные убеждения, что обусловило размывание толерантной ментальности белорусского и украинского народов, рост нетерпимости в обществе, жесткие формы борьбы в период народных движений и войн середины – второй половины XVII в.

В этом свете объяснимы конфессиональные аспекты и понимание свободы религии в Могилевской хронике, составленной на рубеже XVII–XVIII вв. Трофимом Суртой. Отражая интересы “городского посольства” и его патрициата, Сурта является бесспорным сторонником традиционной религии своих земляков – православия, и крайне негативно воспринимает Брестскую церковную унию, “нетопырей, или униатов”. Насаждение униатства называет “войной духовной... против правды святой и догматов веры православной”, “главным неприятелем благочестия” считает полоцкого униатского архиепископа И. Кунцевича. При этом автор хроники довольно лояльно относится к католикам, исключая “засевших в Могилеве” иезуитов [8, с. 241-251]. Следует вспомнить, что в православных кругах белорусского общества отношение к католицизму было неоднозначным. Во многих письменных памятниках ярко выражены антикатолические настроения. Костел рассматривается одним из инициаторов и проводников унии (Баркулабовская летопись, др.). В православной среде около 1697 г. появилась пародия “Казане руске”, где “нечыстые ляхи”, т.е. католики, упоминаются в одном ряду с “татарами”, “турками”, “жыдами” и другими “врагами благоверной Руси” и “руской веры” [3, с. 272-273; 5, с. 143-145]. Антикатолические настроения получили определенное распространение и в среде могилевского мещанства. В 1654 г. в предложенных царю “статьях” принятия российского подданства могилевчане специально оговаривали условие, чтобы “ляхи никакими урядниками в месте Могилеве не были” и “жития своего не имели” [10, с. 306-307]. Сурта же примыкал к тем представителям православной партии, которые считали католицизм традиционной конфессией. Его существование на белорусских землях освящено “старинной” (“Суппликация” М. Смотрицкого, др.).

Литература:

1. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт церковно-исторического исследования). – Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1898. – Т. 2.

2. 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / Пад рэд. М.В. Біча і П.А. Лойкі. – Мн.: НКФ “Экаперспектыва”, 1996.

3. История белорусской дооктябрьской литературы. – Мн.: Наука и техника, 1977.

4. Коршунов А.Ф. Афанасий Филиппович: Жизнь и творчество. – Мн.: Наука и техника, 1965.

5. Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый: Літ. Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII – XVIII стст.). – Мн.: Навука і тэхніка, 1980.

6. Нічик В.М. Петро Могила в духовній історії України. – Київ: Український Центр духовної культури, 1997.

7. Падокшын С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). – Мн.: Беларуская навука, 1998.

8. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А.Траншеля, 1878. – Кн. 1 (Русская историческая библиотека. Т. 4).

9. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – М.: Наука, 1982.

10. Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570-1667 гг.). – Минск: Высш. шк., 1963.